

Young & Free

«Сестринство — это сила.
Оно убивает. В основном сестер».
— *Ти-Грейс Аткинсон*

Глава 1

Келли, ноябрь 2017 года

Я занимаю место с железной выдержкой вдовы погибшего солдата. Комната так и манипулирует своим уютом — рядом со мной кожаные клубные кресла с пуговицами и зажженный камин. Будто я когда-то смогу успокоиться и забыть правду: Бретт мертва, и я к этому причастна.

— Кел, не возражаешь? — спрашивает звукорежиссер, уже шарясь рукой под моей новой блузкой. Консультант по связям с общественностью предложила отправиться по магазинам перед интервью, в котором мне предстояло прокомментировать события четвертого сезона до того, как он выйдет в эфир, а еще фактически благословить зрителей на то, чтобы те, сидя на своих удобненьких диванах, с чистой совестью наблюдали, как умирает моя сестра. Телевизор убивает. Ха! Не только Бретт унаследовала гены, отвечающие за чувство юмора. Не стоило шутить. Это все от нервов.

Консультант посоветовала надеть на интервью «что-то менее свойственное Ист-Виллидж». Я не поняла, что она имела в виду. Никогда не бывала в Ист-Виллидж. Наверное. Но я почувствовала себя

увереннее, осознав, что смогла успешно воплотиться в одну из них, Охотниц. Мой гардероб в основном состоял из хлопчатобумажных рубашек на пуговицах и нелепых широких джинсов, пока шоу не вонзило в меня свои клыки, как вампир, обращающий очередную жертву в себе подобного.

Я отправилась в *Ann Taylor* — не в *Loft*, сейчас мне непозволительно носить обычную одежду — и купила крахмаленную белую блузку и черные брюки с высокой посадкой, потому что, когда умирает дорогой тебе человек, ты прячешься в раковину, вот так. Я пришла на интервью (Местоположение 1, гостиная Джесси) в сдержанном и элегантном наряде, но Джесси Барнс, исполнительный продюсер и создатель «Охотниц за целями», реалити-шоу номер три, которое выходит по вечерам четверга и собирает у экранов аудиторию от девятнадцати до сорока девяти лет, бросила на меня быстрый взгляд и, тяжело вздохнув, подозвала к себе стилиста. Мой костюм скорбящей старшей сестры преобразовали с помощью пары рваных джинсов и кроссовок, но блузку оставили, просто закатали рукава и завязали на талии. «Это приватная беседа в моей гостиной, а не телевизионное интервью у Дайан Сойер», — сказала Джесси стилисту так, будто меня и вовсе рядом не было. Дайан Сойер действительно хотела взять у меня интервью за полмиллиона долларов, но я отказалась ради Джесси, а еще я — мать-одиночка.

— Если получится, не перекидывайте волосы через левое плечо, — просит звукорежиссер. Джесси тоже сказала мне прийти с распущенными волосами, потому что никто пока не знает, кто я такая, и нужно визуально донести до сознания сидящих дома зрителей, что я Сестра. У меня хорошие волосы. У Бретт были красивые.

Моя любимая сестра

Я киваю звукорежиссеру. Жаль, что не запомнила его имени. Бретт бы запомнила.

Она всегда интересовалась именем каждого в съемочной группе, начиная от светооператора и заканчивая вечно меняющимся гаремом ассистентов режиссера. Конек моей сестры — заставлять недооцененных людей чувствовать себя значимыми. И это явное свидетельство того, что все мы здесь притворяемся, будто она невинная жертва самого модного убийства (*прекрати шутить, Кел!*), хотя я, честно говоря, не знаю, кто притворяется, а кто нет. Кто в курсе, что произошло на самом деле, а кто верит в придуманную нами сказку.

Джесси Барнс садится напротив меня и делает кое-что странное. Улыбается мне. Она все утро критиковала меня, то игнорировала, что нелегко сделать в ее квартире в девятьсот квадратных футов, которая стоит больше особняка с девятью спальнями на моей родине, в Джерси. Джесси Барнс знает, что произошло на самом деле, — вот почему никак не решит, как быть со мной. Я ей нужна, это уж точно, поэтому может показаться, что она будет мне потворствовать. Но проблема в том, что она, вероятно, нужна мне больше.

— Ты в порядке? — немного нервно спрашивает она. Нас окружают прожектора, желтый свет такой яркий, что слепит глаза. «Мы словно готовимся к стихийному бедствию», — подумала я, недолгое время назад увидев их впервые.

Я киваю и одновременно сглатываю. *Я здесь. И приложу все силы, чтобы не выдать нашу ложь.*

— Давай сделаем это по-быстрому ради нас обеих, — снова грубовато говорит Джесси и, постукивая армейским ботинком по полу, устраивается поудобнее, чтобы перечитать заметки на телефоне. «Она

Д. Кнолл

одевается как гот-лесбиянка Одри Хепберн», — предупредила меня Бретт перед нашей первой встречей, а затем повторила эту шутку прямо в лицо Джесси, словно доказывая мне, что они, в отличие от других женщин, дружат на равных. До смерти Бретт мы с Джесси были на пути к дружбе, и Бретт даже не старалась скрыть, что комплексовала из-за этого.

Она вечно боялась, что мы можем вернуться к своим детским ролям, я — идеальный ребенок, а она — негодница. «У тебя, по крайней мере, не было паршивого детства», — говорила она мне всякий раз, когда со мной случалось что-то плохое, будто теперь я не имела права жаловаться на необходимость удаления зуба, раз уж в детстве была маминой любимицей. Только Бретт не понимала, что мама выделяла меня потому, что могла контролировать, а это априори делало детство паршивым. Я была той дочкой, что соглашалась во всем, и, чтоб вы знали, это не привело меня к любви. Это привело к постоянно опускающейся планке для лимбо, все ниже и ниже, пока я больше не смогла согнуться. Поэтому сломалась.

— Все готово, Джесс, — говорит Лиза, наш исполнительный продюсер и единственный человек в этой комнате, кто не был очарован Бретт при жизни. Ну помимо меня. Не поймите меня неправильно, я любила свою сестру, но еще и хорошо ее знала.

Последние приготовления: капелька вазелина на мои губы, слой лака для волос от стилиста, проверка улыбки — не застряла ли еда в зубах. Площадка расчищается, остаются лишь главные персонажи. Не самые идеальные обстоятельства, но всего год назад я могла лишь мечтать о том, что *Saluté* будет рекламировать «Эксклюзивное интервью Келли Кортни» на автобусах.

Раздается спокойная мелодия, и Джесси начинает:

Моя любимая сестра

— Келли, хочу поблагодарить тебя за то, что согласилась поделиться своей историей с сообществом *Saluté*. — Она вздергивает подбородок, чтобы смотреть на меня сверху. — Я безумно сожалею о твоей потере. И знаю, что вся семья *Saluté* скорбит вместе с тобой. Смерть Бретт разбила нам сердце. Просто вдребезги. — Глаза Джесси загадочно блестят, как два бассейна с маслом. — Даже представить не могу, как тяжело тебе было последние месяцы. Как ты?

— Держусь.

В голове сразу же всплывает картинка, как я сжимаю пальцами край крыши, и от зевак на улице меня отделяют лишь мульташные облака: «Я действительно это сделаю?» Наверное, так же думала Стефани. Сколько раз?

— Я заметила, ты носишь кольцо сестры, — продолжает Джесси. — Можешь рассказать людям у экранов, что оно значит?

Я поднимаю руку, сверкнув золотым кольцом.

— Эти кольца сделали после первого сезона шоу, — объясняю я. Как и все остальное, оставшееся от Бретт, кроме ее туфель, оно мне слишком большое. В холодные дни приходится носить его на большом пальце. — На них написано «Стойкие Сестры».

— Что означает эта надпись?

Что беспощадный кастинг, которому подвергаешься каждый год, не поставил нас на колени. Что мы все еще стояли. Продюсеры между сезонами играли с женщинами. Приводили новых, более молодых, более умных, более богатых, снимали их и отсылали на телеканал для утверждения. Это потенциальные «новички» под видом обновления актерского состава. И конечно же, они убеждались, чтобы об этом услышали «старички», чтобы знали: в следующем сезоне им не всегда гарантировано место. Если хотят вер-

Д. Кнолл

нуться, им придется постараться. Никто никогда не покидал шоу по своей воле, несмотря на все заверения в прессе бывших Охотниц. Тебя либо увольняли, либо ты умирал, и, честно говоря, лучше умереть.

Ведь как только тебя увольняли, в любом случае все заканчивалось.

Моя сестра, Джен Гринберг и Стефани Клиффордс гордились тем, что были первыми Охотницами, выстоявшими череду кастингов. Они изготовили эти кольца, чтобы поздравить себя и, давайте начистоту, заявить о своем авторитете перед новичками, как я.

— Надпись означает, что мы как женщины держимся вместе и помогаем друг другу, — говорю я. — Независимо от того, какой вызов бросает нам мир.

— Весьма кстати, учитывая, какой вызов бросил тебе мир, — замечает Джесси. — Ты собственными руками удержала на плаву бизнес сестры и развила его, воспитала самого рассудительного, заботливого и целеустремленного подростка на свете, ты поистине вдохновляешь и воплощаешь собой образ мощной внутренней силы женщин — и матерей — по всему миру.

При упоминании о моей дочери срабатывает материнский инстинкт. «Не вмешивай ее в это», — несправедливо думаю я, ведь сама изначально втянула ее в это.

— Келли, — продолжает Джесси, — телеканал столкнулся с огромной критикой, когда мы объявили, что не только работаем над выпуском четвертого сезона, как планировалось, но и что поделимся записью ужасного конца без цензуры. Но, так как шоу посвящено расширению прав и улучшению положения женщин, мы посчитали своей обязанностью разоблачить бытовое насилие. Как твоя подруга я знаю, что ты согласна с *Saluté*. Это так?

Моя любимая сестра

Пусть я знаю, что мы не подруги и никогда ими не будем, по телу от этих слов прокатывается теплая волна. Быть частью жизни Джесси — потрясающе. Жаль, что именно так все происходит — конечно, жаль, я же не монстр, — но сколько можно чувствовать себя виноватой. Я заслуживаю здесь находиться, даже больше чем Бретт.

— Вот что я думаю, Джесси, — отвечаю я. — Если бы то, что произошло с моей сестрой, случилось со мной, я бы не хотела, чтобы правда подверглась цензуре, — это словесное отражение встречено едва уловимым кивком Джесси, — только потому, что людям это неприятно. Это и должно вызывать домашнее насилие. Оно должно психологически травмировать. Только так у нас появится причина как-то с ним разобратся.

Мой голос становится громче, Джесси тянется и берет меня за руку. Раздается хлопок, словно мы дали друг другу пять.

— Почему бы нам не начать с начала? — предлагает она, ее пульс бьется под кончиками моих пальцев. И я понимаю, что она не нервничает. Она *жаждет* этого.

Джесси повезло, что меня воспитывали угождать. Более независимая женщина послала бы ее и вышла из комнаты, преследуемая звукооператором в погоне за дорогим петличным микрофоном. И не озвучила бы, как я, нашу версию правды.

Часть 1

ПОДГОТОВКА К СЪЕМКАМ

Глава 2

Бретт, апрель 2017 года

У четвертого потенциального инструктора по йоге светлые волосы с укладкой в стиле панк и загар культуриста. Ее зовут Морин. Бывшая домохозяйка, которая последние семь лет работала над документальным фильмом о массовой эмиграции племени анло-эве из Носе в юго-восточный уголок Республики Гана. Если бы это зависело от меня, я бы сказала, что лучше нам не найти.

— Спасибо, что проделали такой путь на север, чтобы встретиться с нами, — говорит Келли с милой улыбкой, которую Морин больше никогда не увидит. В тот момент, когда Морин сняла пальто и показала свой розовый спортивный лифчик и слегка обвисший после родов живот, сестра отклонила ее кандидатуру, я это точно знаю. У Келли после родов не осталось никакого живота, поэтому она считает, что дряблое тело — не биология, а выбор. Неверный выбор.

Во время собеседования я в основном молчала — с кандидатами всегда беседует Келли, — но перед уходом Морин с надеждой смотрит мне в глаза.

— Рискну показаться подхалимкой, — говорит она, — но я не могу уйти, не сказав, как повезло поколению молодых девочек, которые видят вас на

Моя любимая сестра

экранах телевизоров. Быть может, я тоже обрела бы себя раньше, покажи мне кто-то вроде вас, насколько замечательной может быть жизнь, когда принимаешь свою истинную сущность. Это избавило бы моих детей от кучи гребанных страданий. — Она хлопает рукой по губам. — Черт. — Ее глаза округляются. — Черт! — Уже чуть не вылезают из орбит. — Почему я не могу замолчать? Мне так жаль.

Я бросаю взгляд на свою двенадцатилетнюю племянницу, которая сидит в углу и строчит сообщения, не обращая на нас внимания. Она сегодня не должна быть здесь, но собака няньки слопала виноград. Очевидно, какой-то ядовитый. Я поворачиваюсь к Морин.

— Как. Вы. Смеете.

Тишина неловко растягивается. И лишь когда становится невыносимой, я расплываюсь в улыбке и повторяю в шутку:

— Как, *черт побери*, вы смеете.

— Боже мой. — Морин с облегчением сгибается, упираясь руками в колени.

— *Полегче*, — бормочет сестра, напоминая этим словом о нашей маме.

Та медленным поворотом головы могла заглушить всю ночь ревущую автомобильную сигнализацию.

— Кстати, у вас удивительная дочь, — говорит Морин, сменив тактику в попытке задобрить мою строгую сестру, но только нет ничего хуже, чем назвать ее дочь удивительной. Поразительной. Экзотической. Какое лицо. Какие волосы. От всего этого у сестры на шее пульсирует вена. «Моя дочь не какой-то редкий тропический фрукт, — иногда отгрызается она на исполненных благими намерениями незнакомцев. — Ей двенадцать лет. Называйте ее просто прелестной».

Морин замечает изменения в выражении лица Келли и снова обращается ко мне.

— Еще вам стоит знать, — она накидывает ветровку на плечи и просовывает одну руку в рукав, — что в местной библиотеке уже появился лист ожидания для вашей книги. Передо мной всего два человека, но все равно. Вы ведь ее еще даже не написали.

Я предлагаю ей тарелку с традиционными пончиками из *Grindstone*. Хотелось бы мне знать, что не так с *Dunkin*. Но Келли прочитала про дизайнерские пончики на Граб-стрит и настояла на том, чтобы мы по пути остановились в Саг-Харбор.

— За это получаете с кленовым сиропом.

Я подмигиваю Морин, и она краснеет, точно юная девчонка, которая вышла замуж, несмотря на эротические фантазии о своей лучшей подруге.

— И часто такое бывает? — спрашивает репортер *New York Magazine*, когда Морин уходит. По-моему, ее зовут Эрин. — Часто благодаря вам женщины совершают камин-аут?

— Все время.

— Как думаете, почему?

Я сцепляю пальцы за головой и кладу ноги на стол. Мне нравятся дерзкие натуралки.

— Наверное, я очень хороша в образе лесбиянки.

Келли корчит лицо, мама говорила, что это выражение к ней приклеится. Жаль, я не могу сказать ей, что она оказалась права.

— Так и есть, — хихикая, соглашается Эрин. — Здесь есть уборные?

— По коридору налево, — отвечает Келли.

— Нет, Бретт, — тихо произносит Келли, как только закрывается дверь в уборную. Она говорит о Морин. «Нет, Бретт, мы ее не найдем. Нет, Бретт, это не тебе решать». Я тянусь к диктофону Эрин и выключаю

Моя любимая сестра

чаю его, чтобы постыдный разговор Келли о толстой/старой/загорелой не попал на пленку.

— Всем привет, — я поднимаю телефон, чтобы снять инста-сторис о нашем окружении, — эта студия йоги для вас.

Печатаю: «ОТКРЫТИЕ НОВОЙ СТУДИИ В ИЮНЕ 2017-го». Нажимаю «опубликовать». Ищу местоположение. «Монток. Конец света» появляется нескоро. Связь здесь отстойная, что напоминает мне...

— Кстати, — говорю я Келли, — это здесь.

Келли непонимающе смотрит на меня.

— Ты сказала: «Спасибо, что сделали такой путь на север, чтобы встретиться с нами». Монток не на севере. А на востоке. Это если хочешь, чтобы люди думали, будто ты отлично ориентируешься в Хэмптонсе...

Стягиваю через голову свитер и приглаживаю наэлектризованные волосы.

Келли в самом деле здесь впервые. «Добро пожаловать на комедийное шоу», — подумала я, упомянув об этом дизайнеру, которого наняла, чтобы переделать заброшенный хозяйственный магазин на Монток-Мейн-стрит в поп-ап студию йоги. Поп-ап студия йоги на Монток-Мейн-стрит. Если вас беспокоит, что я стала более примитивной, чем инфузория-туфелька, то не зря.

— Никогда не бывали в Монтоке? — шокировано повторил дизайнер, словно моя сестра никогда не ела шоколад или не слышала о Джастине Бибере. Он схватился за горло, задыхаясь от причудливости Келли.